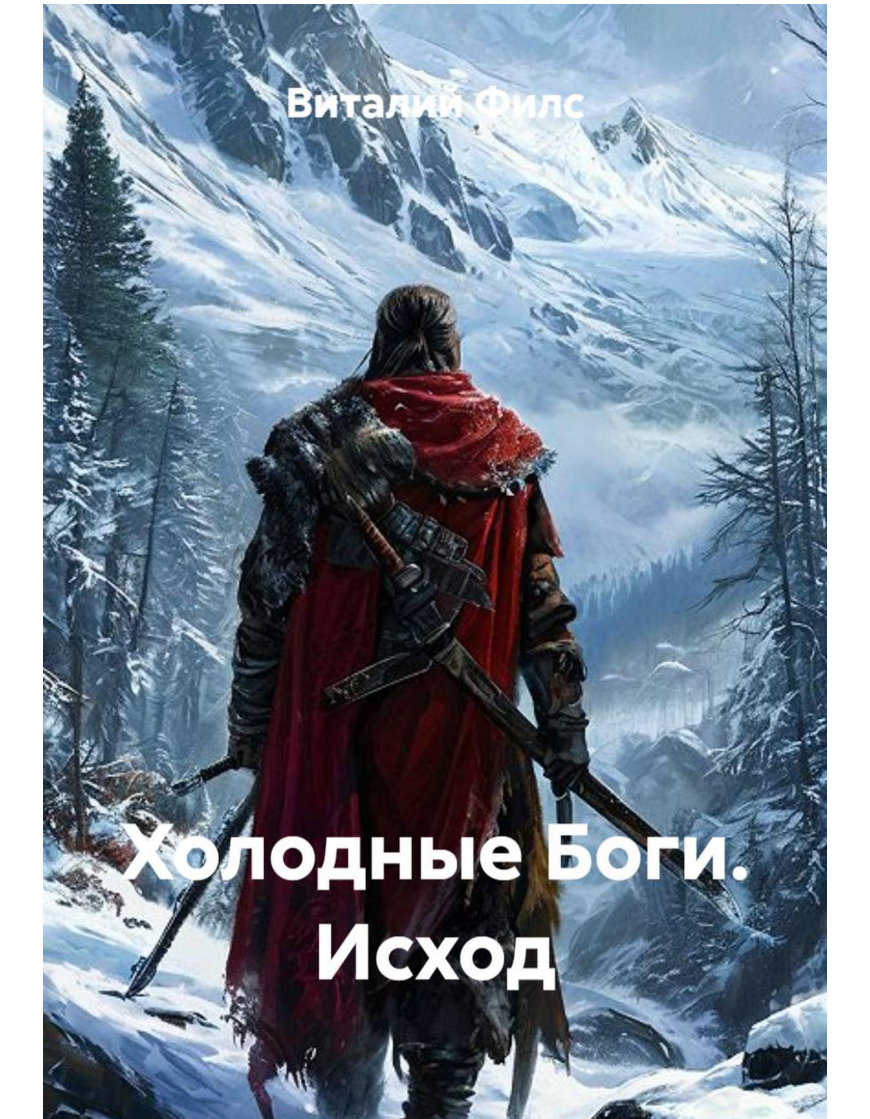

A detailed fantasy illustration of a warrior from behind, standing in a vast, snowy mountain landscape. The warrior wears a long red cloak with a fur-trimmed hood and has two large, ornate swords strapped to his back. He is looking out over a deep valley filled with snow-covered evergreen trees. In the distance, majestic snow-capped mountains rise against a pale, overcast sky. The overall tone is cold and epic.

Виталий Филс

Холодные Боги. Исход

Виталий Филс

Холодные Боги. Исход

<https://litres.ru/74398807>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Холодные Боги. Исход»

Мир, где зима — не время года, а проклятие.

Северные кланы веками выживали среди льда, поклоняясь духам вулканов и забытым предкам. Но однажды из белой мглы приходят существа, порождённые не природой, а человеческим страхом. Они не умирают. Они не отступают. И они пришли, чтобы разбудить то, что спало под землёй тысячи лет.

Эйнар, сын погибшего вождя, вынужден вести остатки клана через мёртвые леса, тёмные ущелья и земли враждебных племён. Рядом с ним — Тэвис, слабый лекарь, в чьей крови скрыта сила древнего народа. Где-то на юге плетёт интриги молодой король, заключивший сделку с тьмой. А из пустыни идёт наёмник, ищущий дочь, которую считал мёртвой.

Их пути сойдутся у древнего города Каэр-Рус, где каменное кольцо укажет дорогу к Вратам. Но Врата не должны открыться. Иначе проснутся Холодные Боги.

Тёмное фэнтези с элементами хоррора и мистики.

Содержание

Пролог	4
Глава 1. Пепел и лёд	14
Глава 2. Глаза в темноте	29
Глава 3. Дорога к лесу	39
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Холодные Боги. Исход

Пролог

Холодные Боги. Исход

Пролог

Северные Пустоши, клан Серого Волка.

Ветер родился где-то над ледяными пиками Хеймра и полз вниз, к подножию гор, как голодный дух. Он нёс с собой снежную пыль, мелкую, как растёртый пепел, и выл в расщелинах, будто оплакивал тех, кто ещё не умер.

Эйнар стоял на краю скального выступа и смотрел в белую мглу. Ему было двадцать семь зим, но сейчас, с ввалившись от недосыпа щеками и заиндевевшей на скулах щетиной, он выглядел старше. Широкие плечи, унаследованные от отца, казались каменными под слоем меховой куртки. Лицо, обветренное северными ветрами, будто вырезали из старого дуба - грубо, но крепко. Глаза, серые, как лёд на Гьёлле, смотрели из-под нахмуренных бровей, не мигая. Длинные тёмно-русые волосы, схваченные сзади кожаным ремешком, падали на воротник, и на них уже налипал снег.

Под ногами, далеко внизу, лежала долина, где прилепились к склону длинные дома его клана. Оттуда поднимались струйки дыма - тонкие, дрожащие, словно боялись подняться.

ся выше. За домами, насколько хватало глаз, простирался лёд: серо-голубой у берега, белый вдали, и лишь на горизонте, над жерлом Гьёлля, небо окрашивалось багровым.

Гьёлль не спал. Он дышал, и с каждым выдохом земля под ногами едва заметно вздрагивала.

Эйнар знал: там, в недрах вулкана, живёт огонь, который даёт тепло всему архипелагу. Но сегодня даже этот огонь казался недостаточным. Холод пробрался под волчью шкуру, пропитал кожаные ремни доспеха, лизнул кости. Пальцы онемели, но он не убирал руку с рукояти меча.

Меч был железным - редкость в этих землях. Отец получил его от торговцев с юга в обмен на тридцать волчьих шкур и два бочонка китового жира. Лезвие тускло блестело, будто впитало в себя цвет здешнего неба. Эйнар провёл большим пальцем по кромке, и та оставила тонкий красный след.

Отец говорил: «Страх - это оружие. Но только если ты держишь его в руках, а не он тебя». Эйнар повторял эти слова каждое утро, но сегодня они не помогали.

Потому что где-то в белой мгле, за пеленой падающего снега, что-то двигалось.

Он чувствовал это кожей. Не слухом, не зрением - тем древним чутьём, что просыпается у зверя, когда ночью рядом крадётся другой хищник. Земля под ногами вибрировала, но не от вулкана. Ритм был другой: тяжёлый, рваный, как поступь существа, которое не привыкло ходить по этому миру.

Эйнар прищурился, вглядываясь в метель. Снег кружил, как рой белых мотыльков, и в его мельтешении ему почудился силуэт - огромный, выше двух мужчин, с неестественно длинными руками, свисавшими до земли.

Он моргнул - и силуэт исчез.

Но чувство не ушло. Оно усилилось, сжало грудь ледяной лапой.

Эйнар развернулся и побежал вниз, к домам. Ноги скользили по обледенелым камням, ветер хлестал по лицу, но он не замедлялся. Мысль была одна: предупредить.

В поселении пахло дымом, рыбой и мокрой шерстью. Женщины чинили сети у порогов, дети катались с пологого склона на кусках коры, старики сидели у входа в длинный дом и смотрели на небо, будто ждали знака. Собаки дремали, свернувшись в снегу, и их серый мех сливался с серостью сумерек.

Всё было, как всегда. И это пугало больше всего.

•

Твари! - крикнул Эйнар, врываясь на площадку перед домом. - С севера! К оружию!

Голос сорвался на последнем слове, но его услышали. Сразу, как будто все только и ждали этого крика.

Клан взорвался движением.

Мужчины выскакивали из домов, на бегу натягивая меховые куртки, хватая топоры, копыя, щиты из обтянутых кожей досок. Женщины, не тратя времени на крик, подхватывали

детей и бежали к дальней скале, где чернел узкий проход - старая волчья тропа. Старики, те, кто ещё мог держать оружие, выстраивались во второй ряд. Собаки заливались хриплым лаем, но их никто не слушал.

Отец уже стоял в центре, перед строем. Старый Бьорн, вождь, в своём чёрном плаще из медвежьей шкуры, с мечом из тёмного железа в правой руке. Его седая борода развевалась на ветру, а глаза горели не хуже углей.

•

Держать строй! - рявкнул он, и его голос перекрыл вой ветра. - Щиты вперёд! Копья упереть в землю!

Воины повиновались мгновенно. Эйнар встал рядом с отцом, выхватив свой меч. Сердце билось о рёбра, как пойманная птица.

•

Сколько их? - спросил Бьорн, не глядя на сына.

•

Я видел одну. Но чувствую - больше.

Бьорн кивнул. Он тоже чувствовал. Старый вождь всегда знал, когда приходит беда.

•

«Они боятся огня», - сказал он. - Факелы держать наготове. Если пробьют строй - поджигайте всё, что горит.

Приказ передали по цепочке. Парни с факелами встали позади, и отблески пламени заплескали на лицах, выхватывая из темноты бледные щёки, сжатые челюсти, глаза, в которых

плескался ужас.

Эйнар знал этих людей. Он рос с ними, дрался с ними, сидел у одного костра. Но сейчас они казались чужими - слишком тихие, слишком бледные. Страх сделал их одинаковыми.

Снег впереди взорвался.

Тварь вырвалась из белой пелены, как кошмар, обретший плоть.

Она была огромна - выше двух человек, поставленных друг на друга. Её тело состояло из льда, но не прозрачного, а мутного, голубовато-серого, с вкраплениями тёмных пятен, похожих на вмерзшие листья. Руки свисали ниже колен, оканчиваясь не пальцами, а длинными ледяными клинками. Пасть, распахнутая в беззвучном крике, была усеяна зубами - острыми, как осколки стекла. А глаза... Глаза были чёрными провалами, в которых не отражался ни снег, ни огонь, ни люди. Только тьма.

И эта тьма шевелилась.

•

Щиты! - заорал Бьорн.

Грохнули удары - тварь врезалась в линию щитов, как лавина. Несколько воинов отлетели в стороны, один остался лежать, изо рта у него текла кровь. Тварь схватила ближайшего - молодого Хаки - и подняла его над землёй. Хаки закричал, но крик оборвался, когда ледяные клинки сомкнулись на его теле. Кровь брызнула на снег, и в ту же секунду замёрзла, рассыпалась красными кристаллами.

Эйнар рванулся вперёд, но отец перехватил его за плечо.

•

Не лезь в одиночку! Держи строй!

Эйнар стиснул зубы. Он видел, как тварь отшвырнула тело Хаки, как оно ударилось о скалу и затихло. Из раны на груди твари - там, где её коснулся чёрный меч Бьорна во время прошлой атаки, - сочился не сок, а что-то тёмное, вязкое, дымящееся на морозе.

•

Она ранена! - крикнул кто-то.

•

Добить! - приказал Бьорн.

Воины двинулись вперёд, выставив копья. Тварь зашипела, и из её пасти вырвалось облако пара, пахнущее гнилью. Она отступила на шаг, но потом, взмахнув рукой, сбила сразу троих. Ещё один удар - и щит Гуннара треснул пополам, а сам он отлетел в снег.

Эйнар не выдержал. Он выскочил из строя, заходя твари сбоку. Меч ударил по ледяной ноге, но лезвие лишь скользнуло, оставив царапину. Тварь повернулась, и её чёрные глаза встретились с его.

В этот момент мир вокруг исчез.

Эйнар увидел не тварь. Он увидел отца, лежащего на снегу с перерезанным горлом. Увидел клан, разбегающийся в ужасе, бросающий раненых. Увидел самого себя, стоящего над телами, не способного защитить никого. И слышал шёпот -

не слова, а волну отчаяния, которая поднималась из глубин его души.

•

Нет! - выкрикнул он, вырываясь из видения.

Тварь ударила. Ледяные клинки просвистели в воздухе, Эйнар успел отскочить, но один задел плечо, распоров кожу и мышцу. Боль обожгла, как укус раскалённого железа, но тут же сменилась онемением - холод проник в рану быстрее, чем кровь успела вытечь.

Он упал на одно колено, прижимая ладонь к плечу. Меч выскользнул из пальцев.

И в этот миг, когда боль накрыла его с головой, когда он опустил взгляд на рану и увидел, как по пальцам течёт чёрная от холода кровь, - в этот миг Бьорн увидел всё.

Старый вождь стоял в десятке шагов, прижатый к скале. Из раны на его бедре сочилась кровь, но он не замечал этого. Он видел, как его сын бросился на тварь, как рубанул её по ноге, как ледяные клинки распороли ему плечо. Видел, как Эйнар упал. Видел, как тварь занесла руку для нового удара - и как в чёрных провалах её глаз плескалось нечто похожее на торжество.

И тогда Бьорн понял: сейчас или никогда.

Он оттолкнулся от скалы. Боль в бедре взорвалась белой вспышкой, но он не остановился. Бежать он не мог - он шёл, потом бежал, потом летел, потому что тело отказывало, но воля была сильнее. Чёрный меч он держал двумя руками,

подняв над головой, и лёд вокруг него будто замедлился, как во сне.

Он видел плечо сына. Опущенные глаза Эйнара. Его побелевшие пальцы на ране.

Он видел, как тварь нависла над его сыном, как её пасть начала открываться, обнажая ряды ледяных зубов.

И он ударил.

Чёрный меч вошёл твари в бок - туда, где лёд был уже треснутым от огня. Бьорн вложил в удар всё: ярость, любовь, отчаяние. Лезвие пробило ледяную кору, погрузилось глубже, чем он ожидал, и что-то внутри твари лопнуло, как натянутая тетива.

Тварь взвыла.

Звук был не похож ни на что земное - он проникал в кости, заставлял вибрировать внутренности, сжимал сердце. Воины закрыли уши руками, некоторые упали на колени. Эйнар отбросило взрывной волной холода, и он прокатился по снегу, ударившись плечом о камень.

Бьорн не отступил.

Он проворачивал меч в ране, выкрикивая что-то на языке клана - древние слова, которые он слышал от стариков в детстве. Слова, которые нельзя было произносить вслух, потому что они будили то, что должно спать.

Тварь изогнулась, попыталась сбросить его, но Бьорн держался за меч, как тонущий за бревно. Ледяные клинки полоснули его по боку, по лицу, по рукам, но он не разжал паль-

цев.

•

Отец! - крик Эйнара донёлся откуда-то издалека.

Бьорн повернул голову. Сквозь пелену боли и снега он видел сына-раненого, но живого. Тот пытался подняться, и Гуннар уже бежал к нему, чтобы помочь.

Этого было достаточно.

Бьорн рванул меч на себя, выдирая куски льда и чёрной плоти. Тварь зашаталась, и он ударил снова - в то же место, целясь в тёмное пятно, где билось нечто, похожее на сердце.

Меч вошёл до рукояти.

Тварь замерла. На мгновение всё стихло - даже ветер, казалось, перестал дуть. А потом она рухнула - не как живое существо, а как глыба льда, рассыпаясь на сотни осколков, которые покатались по снегу, звеня, как стекло.

Бьорн упал на колени.

Он не чувствовал ног. Не чувствовал рук. Только холод - везде, внутри и снаружи. Он опустил глаза и увидел, как из его живота торчит ледяной осколок, длинный, как копьё. Должно быть, тварь успела ударить его в последний момент. Или раньше - он не помнил.

•

Отец!

Эйнар уже был рядом. Он подхватил старика, уложил на снег, прижал ладонь к ране, из которой толчками выходила кровь.

•
Держись! Ульва! Ульва, сюда!

Кровь текла по чёрному плащу, смешивалась со снегом и застывала на морозе в причудливые узоры. Губы Бьорна шевелились, но слов не было слышно. Он смотрел на сына, и в его глазах - уже затуманенных, уже уходящих - было странное спокойствие.

•
Веди... клан... - прохрипел он. - На юг... к перевалу...

•
Я не оставлю тебя!

•
Ты... вождь... теперь.

Бьорн сжал руку Эйнара с неожиданной силой. Потом его пальцы разжались, и свет в глазах погас.

Эйнар закричал.

Крик его слился с воем ветра, с треском оседающего льда, с далёким гулом Гьёлля. А где-то на севере, там, где небо сливалось со льдом, снова раздался вой - не ветра.

Вой, который звал.

Глава 1. Пепел и лёд

Ночь после битвы выдалась тихой, но не спокойной.

Снег перестал падать, будто сам испугался того, что произошло. Ветер стих, оставив после себя только холод - густой, тяжёлый, как вода в проруби. Над поселением стояла такая тишина, что было слышно, как потрескивает лёд на усах мёртвых воинов.

Эйнар не помнил, как дошёл до длинного дома. Помнил только, что кто-то взял его под руку - кажется, Гуннар. Помнил, как Ульва что-то говорила о ране, как её пальцы, сухие и горячие, касались плеча, как боль то вспыхивала, то уходила, оставляя после себя пустоту. Помнил, как его уложили на шкуры, как накрыли плащом. И как он лежал, глядя в тёмный потолок, не в силах закрыть глаза, потому что перед ними стояло лицо отца.

Не то лицо, которое он знал всю жизнь - обветренное, суровое, с прищуром, - а другое: серое, застывшее, с полуоткрытым ртом, из которого вырывался последний пар. И глаза - уже пустые, но всё ещё смотрящие на него.

Эйнар сжимал амулет на груди, и клык Серого Волка впиался в ладонь, оставляя след. Он хотел заплакать, но слёз не было. Внутри всё будто замёрзло, покрылось коркой льда, как лужа после первого мороза.

В доме пахло дымом, кровью и мокрой шерстью. Раненые

стонали во сне. Женщины перешёптывались в дальнем углу, и их голоса звучали как шорох сухих листьев. Дети спали, прижавшись друг к другу, и даже во сне их лица были напряжены.

Эйнар поднялся.

Тело отозвалось болью - не только в плече, но и в спине, в ногах, в груди. Он сжал зубы и сел, свесив ноги с лежанки. Пол был холодным, и ступни сразу онемели. Но он не обратил на это внимания. Поднялся, накинул отцовский плащ, взял меч - тот самый, железный, с тёмным лезвием, - и вышел в ночь.

Снаружи было светло от снега, хотя небо оставалось чёрным. Звёзды, яркие и равнодушные, висели над головой, как гвозди в небесной тверди. Сугробы искрились, будто усеянные мелкими алмазами, и каждый шаг отзывался хрустом.

Эйнар пошёл к тому месту, где лежал отец.

Тело не убрали. Бьорн лежал на снегу, раскинув руки, и его чёрный плащ разметался вокруг, как крылья мёртвой птицы. Ледяной осколок всё ещё торчал из живота - никто не решился его вытащить. Кровь замёрзла, образовав вокруг тела тёмное пятно с неровными краями.

Эйнар остановился в трёх шагах.

Он смотрел на отца и не узнавал его. Смерть изменила всё: черты лица заострились, кожа стала серой, как пепел, борода слиплась от крови и льда. Но даже мёртвый, он выглядел так, будто готов вскочить и снова крикнуть: «Держать строй!»

Эйнар опустился на колени.

•

«Прости», - прошептал он. - Прости, что не успел.

Тишина. Только где-то далеко, на севере, едва слышно гудел Гьёлль.

Он протянул руку и коснулся щеки отца. Лёд. Холод проник в пальцы, пополз вверх по руке, добрался до сердца.

•

Я не знаю, как вести их, - сказал он, и голос сорвался. - Я не знаю, что делать. Я просто... я боюсь.

Он замолчал, будто ждал ответа. Но мёртвые не отвечают. Только молчат, и в этом молчании - вся правда.

Позади слышались шаги. Эйнар не обернулся. Он знал, кто это.

•

Не спится, - произнёс Гуннар, останавливаясь рядом.

Он тоже смотрел на тело. Его лицо, обычно весёлое, сейчас было серым, как у всех.

•

Надо похоронить, - сказал Эйнар.

•

Земля промёрзла. Не выкопать.

•

Тогда сожжём.

Гуннар покачал головой.

•

Огонь виден издалека. Если твари рядом - придут.

•

Тогда отнесём с собой, - тихо произнёс Эйнар. - Похороним южнее, где земля мягче.

Гуннар помолчал.

•

Хорошо.

Он присел рядом и, достав из-за пазухи тряпицу, осторожно вытер кровь с лица Бьорна. Движения его были бережными, почти нежными - так ухаживают за спящим ребёнком.

•

Он был хорошим вождём, - сказал Гуннар. - Лучшим из всех.

Эйнар кивнул.

•

А я?

Гуннар посмотрел на него.

•

Ты его сын. Этого пока достаточно.

Эйнар не ответил. Он не был уверен, что этого достаточно. Сын не становится вождём только потому, что родился у вождя. Вождь - это тот, за кем идут. А пойдут ли за ним? Сейчас, когда они напуганы, изранены, когда смерть дышит им в спины?

Эти мысли крутились в голове, как стая голодных псов.

Он поднялся.

•
Помоги мне.

Вдвоём они подняли тело отца и понесли к саням. Уложили поверх шкур, накрыли плащом. Бьорн лежал, как спящий, и только ледяной осколок, оставленный в ране, напоминал о том, что это не сон.

Ульва ждала их у входа в дом.

•
«Утром выступаем», - сказала она, будто не видя тела. - Люди напуганы. Им нужен вождь, который скажет, что делать.

•
Я скажу, - ответил Эйнар.

Он сам не знал, откуда взялась эта уверенность. Может, от холода. Может, от взгляда Ульвы - пронзительного, оценивающего.

•
Хорошо, - кивнула она. - Тогда иди. Тебе нужно поспать.

•
Я не усну.

•
Иди, - повторила она. - Я разбужу до рассвета.

Эйнар послушался. Он вернулся в дом, лёг на шкуры, закрыл глаза. Сон пришёл не сразу, но, когда пришёл, был тяжёлым, без сновидений.

Ему снился только белый снег. И где-то вдалеке - вой.

Рассвет пришёл серым.

Небо на востоке окрасилось в цвет ржавчины, и первые лучи, пробившиеся сквозь тучи, были холодными, как лезвие ножа. Поселение просыпалось медленно, будто нехотя, будто каждый боялся открыть глаза и снова увидеть мир, который стал другим.

Эйнар стоял у саней с телом отца. Он уже не плакал. Вместо слёз внутри была пустота, и эта пустота пугала больше, чем скорбь.

Вокруг собирались люди.

Они выходили из домов, кутаясь в меховые накидки, прижимая к себе детей, сжимая в руках узлы с нехитрым скарбом. Их было мало - так мало, что Эйнар впервые осознал, насколько ослаб клан. Серые Волки когда-то насчитывали больше сотни. Теперь осталось меньше половины.

Он смотрел на них и думал: «Как их спасти?»

•

Эйнар, - тихо позвал Гуннар. - Пора.

Эйнар кивнул и шагнул вперёд.

•

«Люди Серого Волка!» - произнёс он, и голос его, усиленный утренним морозом, разнёсся над площадью. - Вы видели, что пришло с севера. Вы видели, как погиб наш вождь. Мой отец.

Он замолчал, подбирая слова.

•

Я не умею говорить красиво, - продолжил он. - Я воин, как и вы. Но я знаю одно: если мы останемся здесь, мы умрём. Все. Поэтому мы уходим. На юг. К перевалу. Там, за горами, - другие земли. Тёплые. Безопасные.

•

А если и там твари? - выкрикнул кто-то.

•

Значит, будем искать дальше, - ответил Эйнар. - Но мы не сдадимся. Мы Волки. Мы не умеем сдаваться.

По толпе прошёл ропот. Люди переглядывались, и в их глазах Эйнар видел не надежду, но что-то похожее на готовность. Готовность идти, потому что другого пути нет.

•

Собирайте всё, что можно нести, - приказал он. - Еду, шкуры, оружие. Раненых - на сани. Детей - в середину колонны. Воины - по краям.

Он обернулся к Гуннару.

•

Возьми троих. Пойдёте вперёд, проверите путь до Пасти. Гуннар кивнул и, подозвав нескольких мужчин, отправился выполнять приказ.

Эйнар подошёл к Ульве.

•

Ты знаешь дорогу через перевал?

•

Знала когда-то, - ответила она, глядя на горы. - Но теперь

всё могло измениться.

•

Тогда вспоминай.

Ульва усмехнулась.

•

Ты быстро учишься командовать.

•

У меня нет выбора.

Она посмотрела на него долгим взглядом.

•

Выбор есть всегда, Эйнар. Просто иногда он между плохим и худшим.

Она отвернулась и пошла к своему мешку, оставив его одного.

Тэвис проснулся от холода.

Он лежал на шкурах в углу дома, укрытый чужой накидкой, и дрожал. Руки его были ледяными, губы посинели, но он не решался пошевелиться, будто боялся, что любое движение привлечёт внимание.

Ночью он слышал, как выл ветер. Или не ветер. Этот звук был похож на голос, и голос звал его по имени.

«Тэвис... Тэвис...»

Он закрывал уши ладонями, но звук проникал сквозь пальцы, сквозь стены, сквозь саму плоть. И ему казалось, что он сходит с ума.

Утром голос исчез. Осталась только усталость и липкий

страх.

Тэвис сел, потёр лицо ладонями. Ему нужно было идти помогать раненым, но ноги не слушались. Хотелось остаться здесь, свернуться калачиком и ждать, пока всё закончится. Но он знал: если он останется, то умрёт. Или того хуже - станет обузой.

Он заставил себя встать.

В доме было почти пусто. Раненые уже лежали на санях, укрытые шкурами. Ульва перебирала травы у очага, где догорали последние угли. В воздухе пахло горелым и чем-то горьким.

•
«Проснулся», - сказала она, не оборачиваясь. - Иди сюда.

Тэвис подошёл. Она протянула ему чашку с отваром - тёмным, пахнущим кореньями.

•
Пей. Это придаст сил.

Он сделал глоток. Горечь обожгла горло, но тепло растеклось по телу, прогоняя дрожь.

•
«Спасибо», - прошептал он.

Ульва кивнула.

•
Будешь идти рядом со мной. Поможешь нести травы.

•
Я хотел помочь раненым...

•
Успеешь, - перебила она. - Сначала - травы. Они нам ещё понадобятся.

Тэвис не стал спорить.

Через час клан выступил.

Это было странное шествие: впереди - четверо воинов с копьями и факелами, за ними - сани с ранеными и телом Бьорна, дальше - женщины и дети, и позади - остальные мужчины, готовые прикрыть отход. Собаки, высунув языки, тянули сани, но даже их поступь казалась тяжёлой, будто каждый шаг давался с трудом.

Снег скрипел под ногами. Ветер, вновь поднявшийся, нёс с собой мелкую пыль, которая забивалась в нос, в глаза, в рот. Люди шли молча, и в этом молчании было больше горя, чем в любых причитаниях.

Эйнар шёл впереди. Его длинный плащ из волчьей шкуры развевался за спиной, открывая рукоять меча. Он ступал широко, как привык ходить по глубокому снегу, и каждый его шаг был тяжёлым, будто он давил саму землю. Когда он оборачивался, ветер трепал его русые волосы, и на лице, изрезанном морщинами от вечного холода, читалась усталость, но не слабость.

Тэвис плёлся в середине, прижимая к груди мешок с травами. Он был высоким для своих девятнадцати зим, но худым, как тростинка на ветру: кости выпирали из-под одежды, а запястья казались слишком тонкими для мужской ра-

боты. Волосы, светлые, почти белые, падали на лоб неровными прядями, и он то и дело сдувал их, морща нос. Лицо у него было мягкое, девичье, с пухлыми губами и светло-кариими глазами, которые сейчас блестели от слёз. Он не был воином, и это читалось в каждом его движении - робком, неуверенном, как у побитой собаки.

Он смотрел под ноги, чтобы не споткнуться, и считал шаги. Один, два, три... Счёт помогал не думать. Но мысли всё равно лезли в голову, как черви в гниющее мясо.

Он думал о твари. О её глазах. О том, как она смотрела на него перед тем, как отступить. Ему казалось, что она запомнила его. Узнала. И теперь где-то там, в белой мгле, ждёт новой встречи.

•

Тэвис, - окликнула Ульва. - Не отставай.

Он ускорил шаг. Ноги проваливались в снег, и каждый вдох обжигал лёгкие. Но он шёл. Потому что не было другого пути.

К полудню они добрались до подножия гор.

Пасть открылась перед ними - чёрная, узкая, зловещая. Стены ущелья, покрытые льдом и трещинами, вздымались на десятки локтей, и между ними, далеко внизу, вилась тропа, исчезающая в темноте.

Эйнар остановился.

•

«Здесь», - произнёс он, и его голос эхом отразился от кам-

ня.

Гуннар, уже вернувшийся из разведки, подошёл к нему.

•

Тропа чиста. Следов нет. Но... - он замолчал.

•

Что?

•

Там темно, - тихо сказал Гуннар. - И холодно. И пахнет...
падалью.

Эйнар нахмурился.

•

Может, зверьё.

•

Может, - не стал спорить Гуннар. - Но я бы не стал там
задерживаться.

Эйнар посмотрел на ущелье. Оно выглядело как глотка
гигантского зверя, готовая проглотить их всех. Но другого
пути на юг не было. Только через горы, только через Пасть.

•

«Идём», - сказал он.

И первым шагнул в темноту.

Остальные потянулись следом.

Внутри ущелья было тихо. Шаги отдавались от стен, и ка-
залось, что кто-то идёт рядом - невидимый, но слышимый.
Капли воды срывались с ледяных выступов и падали на кам-
ни, и этот звук был похож на тихий плач.

Тэвис шёл, втянув голову в плечи. Ему казалось, что стены сжимаются, что тьма впереди сгущается, что из трещин в камне на него смотрят. Он крепче прижал мешок и зашептал молитву - не богам, а духам, которых учила почитать мать.

•

Свет, - вдруг произнесла Ульва.

Воины зажгли факелы. Оранжевое пламя заплясало на стенах, выхватывая из мрака причудливые узоры льда и теней. Но свет не приносил успокоения. Наоборот - в его колеблющемся свете всё казалось живым, движущимся, дышащим.

•

Быстрее, - поторопил Эйнар. - Не останавливаться.

Колонна ускорила, насколько это было возможно. Раненые стонали, сани скрипели, собаки скулили. В воздухе появился запах - сладковатый, тошнотворный, как гниющее мясо.

Тэвиса замутило. Он зажал нос рукой, но запах проникал сквозь пальцы, оседал на языке.

•

«Что это?» - прошептал он.

•

Молчи, - резко ответила Ульва. - Иди.

Они шли уже долго - или ему так казалось. Время в ущелье текло иначе: то растягивалось, то сжималось, и Тэвис перестал понимать, сколько прошло - час или целый день. Но-

ги гудели, спина ныла от тяжести, но он не останавливался.

И вдруг он почувствовал.

Это было как удар в грудь - не физический, а какой-то иной, будто сама земля вздрогнула под ним. Он вскинул голову и увидел, что стены ущелья изменились: на них, будто выжженные изнутри, проступили знаки. Те самые - изогнутая линия, кусающая свой хвост, и три точки внутри.

•

Ульва, - выдохнул он. - Смотри.

Она уже видела. Её лицо побледнело, и впервые за всё время Тэвис заметил в её глазах страх.

•

Не останавливайся, - приказала она. - Иди вперёд. Не смотри на стены.

Но Тэвис не мог отвести взгляд. Знаки пульсировали, будто живые, и ему казалось, что они зовут его, что они знают его имя.

Одна из собак вдруг завывала - протяжно, жалобно, и этот вой подхватили остальные. Люди зашептались, кто-то вскрикнул, кто-то начал молиться.

•

Тише! - рявкнул Эйнар. - Не паниковать!

Но паника уже расползлась, как трещина по льду.

И тогда, в глубине ущелья, раздался звук.

Не ветер. Не камень. Не зверь.

Что-то тяжёлое, мокрое, шаркающее. Будто огромное те-

ло волокли по камням.

Тэвис замер. Сердце остановилось, потом забилось с утренней силой.

•

Назад! - закричал Эйнар. - Все назад!

Но было поздно.

Из темноты впереди, оттуда, куда не доставал свет факелов, на них смотрели глаза.

Множество глаз.

Чёрных.

Пустых.

Голодных.

Глава 2. Глаза в темноте

Тьма впереди шевелилась.

Это было не движение - это было само отсутствие света, которое вдруг обрело форму. Глаза, десятки, сотни глаз, висели в черноте, как гнилые звёзды, и смотрели. Не мигая. Не отводя взгляда.

Эйнар застыл.

В руке он сжимал меч, но пальцы, онемевшие от холода, почти не чувствовали рукояти. Позади кто-то всхлипнул, кто-то начал читать молитву, кто-то просто дышал часто-часто, как загнанный зверь. Собаки выли, и этот вой, отражаясь от каменных стен, становился частью ужаса.

•

Факелы! - заорал Эйнар, и голос его сорвался. - Факелы вперёд!

Несколько воинов шагнули вперёд, выставив горящие ветки. Пламя заметалось, выхватывая из мрака то кусок обледелой стены, то чьё-то бледное лицо, то сгорбленную фигуру, которая, как показалось Эйнару, не стояла, а висела в воздухе.

Свет достиг глаз - и те отступили на шаг. Но не исчезли. Они просто отодвинулись глубже, туда, куда не доставало пламя, и продолжали смотреть.

•

Они боятся огня, - прошептала Ульва, оказавшаяся рядом. - Но их много. И они ждут, когда факелы догорят.

Эйнар скрипнул зубами.

•

Сколько у нас факелов?

•

Десятка два, не больше, - ответил Гуннар. - Если идти быстро, хватит до выхода.

•

А если медленно?

•

Не хватит.

Эйнар посмотрел вперёд. Ущелье сужалось, превращаясь в щель, где едва могли разойтись двое. И там, в этой щели, плотнее всего сгущалась тьма. Глаза висели гроздьями, как ягоды на ветвях, и от них исходил холод, который не имел ничего общего с зимним воздухом.

•

Гуннар, - тихо произнёс Эйнар. - Возьми пятерых. Пойдёте первыми. Расчистите путь. Если что - кричи.

•

А остальные?

•

Пойдут за вами. Женщины и дети - в середину. Раненых не бросать.

Гуннар кивнул. Он был бледен, но в глазах его, как всегда,

горела упрямая искра.

•

Держись, - сказал он Эйнару и, подозвав воинов, двинулся вперёд.

Эйнар обернулся к клану.

•

«Слушайте все!» - произнёс он, стараясь говорить громко, но не кричать. - Мы идём через ущелье. Идём быстро. Не бежим, но и не останавливаемся. Факелы держать высоко. Если свет погаснет - зажечь новый. И помните: они боятся огня. Пока мы с огнём - мы живы.

Люди молчали. В их глазах - не страх даже, а обречённость. Но они слушали. И этого было достаточно.

Первым двинулся Гуннар.

Он шёл, выставив перед собой факел, и оранжевый круг света плыл по льду, по камням, по чёрным стенам. Глаза отступали перед ним, но неохотно, будто нехотя, оставляя за собой липкую темноту.

За Гуннаром потянулись остальные.

Эйнар встал в хвосте колонны, рядом с Ульвой и Тэвисом. Он держал меч наготове, хотя понимал, что в узком проходе от него мало толку. Тэвис прижимал к груди мешок с травами и смотрел только вперёд, на свет, который уходил всё дальше.

С каждым шагом воздух становился холоднее.

Это был не обычный мороз, к которому они привыкли.

Нет, это был холод иной - глубинный, как со дна замёрзшего озера. Он пробирался под одежду, обнимал кости, сжимал сердце, и Тэвису казалось, что ещё немного - и кровь в жилах застынет.

Он слышал, как стучат зубы у идущей рядом женщины. Как всхлипывает ребёнок, которого мать прижимает к груди, стараясь согреть. Как шепчет Ульва что-то на языке, которого он не понимал, но от которого по коже бежали мурашки.

Глаза плыли вдоль стен.

Они не приближались, но и не отставали. Просто сопровождали, как безмолвные стражи, и в их взглядах Тэвис чувствовал нечто большее, чем голод. Ему казалось, что они узнают его. Что они зовут его.

И он не мог отделаться от мысли, что однажды уже видел эти глаза. Во сне. Или в детстве. Или в прошлой жизни, о которой не помнил.

•

Не смотри на них, - негромко сказала Ульва, будто прочитав его мысли. - Смотри на свет впереди.

Тэвис заставил себя отвести взгляд. Свет факела Гуннара был далеко - крошечная оранжевая точка, тонущая в черноте. Но он цеплялся за неё, как утопающий за верёвку.

Вдруг впереди кто-то вскрикнул.

Крик был коротким, сдавленным, и тут же оборвался. Тэвис вздрогнул всем телом. Эйнар, шедший позади, рванулся вперёд, расталкивая людей.

•
Что там? - рявкнул он.

Ответом был шум борьбы - глухие удары, звон металла, рычание. И вой - не собачий, не волчий, а какой-то потусторонний, будто сам камень застонал.

•
Факелы! - крикнул кто-то. - Туда! Бросайте!

Несколько огненных точек метнулись вперёд, и в их свете Эйнар увидел, как на Гуннара навалились трое.

Это были не твари, что пришли с севера. Эти существа были меньше, ниже человеческого роста, с тонкими, как плети, руками и ногами, с серой кожей, обтягивающей кости. Головы у них были непропорционально большими, а рты - широкими, без губ, открывающими ряды игольчатых зубов. Глаза - те самые чёрные провалы, горящие на стенах.

Они облепили Гуннара, как пауки, впиваясь в него зубами и когтями. Гуннар отбивался, размахивая факелом, но твари ловко уворачивались, шипя и извиваясь.

•
Гуннар! - Эйнар бросился к нему, выставив меч.

Он рубанул наугад, и лезвие рассекло одну из тварей пополам. Та взвыла и рассыпалась чёрным пеплом, который тут же растворился в воздухе. Ещё двое отпрянули, но на их место уже лезли новые - из стен, из трещин, из самой темноты.

•
Назад! - кричал Эйнар, отбиваясь. - Уходим! Все назад!

Люди заметались. Женщины визжали, дети плакали, воины, выставив факелы, пятились, отбиваясь от нападающих тварей. Свет гас - один, второй, третий. Тьма наступала.

Тэвис замер.

Он видел, как Гуннар, весь в крови, вырвался из лап тварей и, шатаясь, пошёл к своим. Как позади него, из черноты, вынырнули новые существа - их были десятки, они ползли по стенам, по потолку, капая чем-то чёрным и вязким.

И он услышал голос.

«Иди сюда... Иди к нам... Ты наш...»

Голос звучал внутри, под черепом, и был сладким, как гниющий мёд. Он обволакивал, лишал воли, тянул в темноту.

Тэвис сделал шаг вперёд.

•

Тэвис! - закричала Ульва.

Но он не слышал.

Он шёл туда, где глаза горели ярче всего, где тьма была гуще, где его ждали. Мешок выпал из ослабевших пальцев, рассыпая травы по льду. Руки повисли вдоль тела. Губы шевелились, повторяя беззвучно: «Я иду... я иду...»

И вдруг - вспышка.

Яркий, ослепительный свет ударил откуда-то сверху, разогнав тени на несколько шагов. Твари взвыли, отступая, закрывая лапами глаза. Тэвис замер, ослеплённый, покачнулся и упал на колени.

Над ним стояла Ульва.

В её руке был амулет - чёрный камень на кожаном шнурке, и он горел, как маленькое солнце. Старуха что-то кричала на древнем языке, и слова её били, как удары молота, заставляя тварей корчиться и отступать.

•

Вперёд! - рявкнул Эйнар, воспользовавшись заминкой. - Бегом! Все бегом!

Люди рванулись вперёд, не разбирая дороги. Кто-то падал, кто-то спотыкался, но всех подхватывали, тащили, не давали остаться. Факелы, почти догоревшие, бросали в темноту, и твари, объятые пламенем, рассыпались в пепел.

Тэвис почувствовал, как чьи-то руки подняли его, поставили на ноги. Он не видел, кто это, - перед глазамиплыли круги. Но он побежал. Побежал, спотыкаясь, падая, поднимаясь снова, гонимый ужасом и светом, который всё ещё горел позади.

Ущелье сузилось в нитку, потом расширилось - и вдруг кончилось.

Они вывалились на открытое пространство, на снег, под небо, затянутое тяжёлыми тучами. Дневной свет, серый и скудный, показался Тэвису самым прекрасным, что он когда-либо видел.

Люди падали на колени, хватали ртом морозный воздух, плакали, смеялись, обнимались. Кто-то кричал, не в силах остановиться. Собаки, высунув языки, лежали на снегу, не

двигаясь.

Эйнар, пошатываясь, стоял у входа в ущелье. Его меч был в крови - чёрной, дымящейся. Одежда изорвана. Лицо рас-сечено. Но он был жив.

Гуннар лежал на снегу, и над ним уже хлопотала Ульва. Из ран его текла кровь, но он дышал. Хрипло, с трудом, но дышал.

Тэвис сидел на снегу и смотрел на ущелье. Там, в темноте, всё ещё горели глаза. Множество глаз. Они не вышли на свет. Не последовали. Но они смотрели.

И Тэвис знал: они будут ждать.

Он опустил голову. Руки его дрожали, и он не мог их унять. Ему хотелось закричать, но не было сил. Хотелось плакать - но слёз не было.

Ульва подошла к нему.

•

«Ты был там», - тихо сказала она. - Я видела.

Тэвис поднял на неё глаза.

•

Они звали меня. По имени. Они знают, кто я.

Ульва долго молчала.

•

«Да», - наконец произнесла она. - Знают.

Она села рядом, прямо на снег, и устало потёрла лицо.

•

Мы должны идти дальше, - сказала Ульва. - До темноты

нужно добраться до леса. Здесь открытое место, нас видно.

Эйнар, всё ещё стоявший у входа, обернулся.

•

Раненых - на сани, - приказал он. - Пересчитайте людей. Кого не хватает?

Через несколько минут стало ясно: не хватает троих. Двое мужчин и одна женщина остались в ущелье. Их не было среди живых.

Эйнар сжал кулаки.

•

«Они погибли», - тихо произнёс он.

Никто не ответил. Все знали: те, кого забрала тьма, не возвращаются.

•

Мы вернёмся за ними, - вдруг сказал Эйнар. - Когда-нибудь. Я обещаю.

Он повернулся к клану.

•

Вставайте. Нам нельзя здесь оставаться. Лес уже близко. Там будет легче.

Люди поднимались медленно, будто каждый шаг давался через силу. Но они вставали. И шли.

Впереди, за белой равниной, чернел лес - тёмная полоса на горизонте, обещающая укрытие. Но Тэвис, глядя на него, чувствовал не облегчение, а смутную тревогу.

Кто знает, какие глаза ждут их там?

Он поплёлся вперёд, держась рядом с Ульвой. Мешок с травами он так и не подобрал, и теперь чувствовал себя ещё более беспомощным.

•

Ульва, - позвал он.

•

Что?

•

Почему они меня звали?

Ульва долго шла молча.

•

Потому что в тебе есть то, что им нужно, - наконец ответила она. - И теперь они знают.

Она ускорила шаг, оставив Тэвиса позади.

А в ущелье, в темноте, глаза всё ещё смотрели им вслед. И в их бездонной черноте медленно разгорался голод.

Глава 3. Дорога к лесу

Снег под ногами стал мягче.

Это было первое, что заметил Тэвис, когда они отошли от ущелья на достаточное расстояние, чтобы позволить себе остановиться и перевести дух. На севере, у подножия Гьёлля, снег лежал плотным настом, твёрдым, как камень, и каждый шаг отдавался хрустом, будто ступаешь по битому стеклу. Здесь, южнее, он был рыхлым, влажным, и ноги проваливались по щиколотку, а местами - по колено. Идти стало труднее, но холод уже не казался таким беспощадным. Мороз не хватал за горло, не сжимал лёгкие ледяными пальцами. Он просто был - тихий, настойчивый, но терпимый.

Тэвис шёл в середине колонны, и его взгляд то и дело возвращался к чёрному провалу ущелья, оставшемуся позади. Оно зияло в белой равнине, как незакрытая рана, и ему казалось, что оттуда всё ещё тянет холодом - не обычным, а тем, что поселился у него внутри. Он помнил глаза. Помнил голос, что звал его по имени. И от этих воспоминаний к горлу подступала тошнота.

Рядом, тяжело дыша, шагал Олыг. Раненый воин опирался на плечо Тэвиса, и с каждым шагом его дыхание становилось всё более хриплым, будто воздух проходил сквозь сломанные рёбра. Ульва сказала, что до леса он не дойдёт. Но Олыг шёл. Стиснув зубы, бледный, как первый снег, но шёл.

•
Осталось немного, - соврал Тэвис, хотя сам не знал, сколько им ещё идти.

Олыг не ответил. Только сжал пальцы на его плече сильнее, и Тэвис почувствовал, как дрожит его рука.

Колонна растянулась. Впереди, в двух десятках шагов, маячила спина Эйнара. Вождь шёл первым, сжимая в руке меч, и его чёрный плащ развевался на ветру, как крыло раненой птицы. Он не оборачивался, но Тэвис знал: Эйнар слышит каждый звук, каждое дыхание за спиной. Так ходят вожди - не оглядываясь, но видя всё.

Позади, в хвосте, Гуннар вёл арьергард. Он был ранен сильнее, чем показывал, но отказался ехать на санях, сказав, что воин должен умирать стоя. Ульва тогда лишь покачала головой, но спорить не стала.

Небо на востоке медленно темнело. День угасал, и вместе с ним угасали силы.

Тэвис смотрел вперёд, на тёмную полосу леса, и она не приближалась. Казалось, будто они идут по кругу, будто сама земля сопротивляется, отталкивает их назад, к ущелью. Мысль была глупой, но он не мог от неё отделаться.

Вдруг впереди раздался крик.

Резкий, как удар хлыста, он разорвал тишину, и Тэвис вздрогнул всем телом. Люди остановились. Кто-то вскрикнул, кто-то схватился за оружие. Собаки залаяли, но их лай тут же оборвался, будто им перехватили глотки.

•
Что там? - выкрикнул Эйнар, но ответа не последовало.

Тэвис вытянул шею, пытаясь разглядеть, что происходит впереди. Он увидел, как несколько воинов бегут назад, к колонне, и лица их белы, как снег.

•
Там... - выдохнул один из них, молодой парень по имени Инг, и слова застряли у него в горле.

•
Говори! - рявкнул Эйнар.

•
«Там деревья», - наконец произнёс Инг. - Но они... не такие.

•
Что значит «не такие»? - не понял Гуннар, подходя ближе.

•
«Они чёрные», - прошептал Инг. - Как обугленные. И не пахнут.

Эйнар нахмурился.

•
Лес сгорел?

•
Нет, - покачал головой Инг. - Они стоят. И на них листья. Но листья... тоже чёрные. И не шевелятся. Ветра нет, а они не шевелятся.

По толпе прокатился ропот. Люди зашептались, и в их го-

лосах Тэвис услышал то, что они старались скрыть с самого начала: животный, липкий страх перед неизвестным.

Эйнар молчал.

Он смотрел вперёд, на тёмную полосу, которая теперь казалась не убежищем, а пастью, готовой сомкнуться. Потом перевёл взгляд на Ульву.

•

«Что скажешь?» - спросил он.

Ульва стояла, прикрыв глаза, и её губы шевелились, будто она шептала молитву. Наконец она открыла глаза.

•

«Это лес мёртвых», - сказала она. - Я слышала о таком в старых сказаниях. Говорят, там, где просыпаются Древние, земля умирает. Деревья не гниют, но и не живут. Они застывают между мирами.

•

Это опасно? - спросил Гуннар.

•

Всё, что связано с Древними, опасно, - ответила Ульва. - Но другого пути на юг нет. Или через лес, или обратно в ущелье.

Она посмотрела на Эйнара.

•

Решай, вождь.

Эйнар долго смотрел на чёрную полосу. Ветер донёс оттуда запах - слабый, едва уловимый, но отчётливый. Так пах-

нет пепел. И ещё - что-то сладковатое, как гниющие цветы.

•

«Идём через лес», - произнёс он наконец. - Но с оружием наготове. Идём быстро, не растягиваться. Если кто-то отстаёт - не ждать.

Люди зароптали, но приказ был ясен. Они двинулись дальше, теперь уже медленнее, осторожнее, и каждый вглядывался в тень леса, будто ожидая, что оттуда кто-то выйдет.

Чем ближе они подходили, тем явственнее становилось странное чувство. Тэвис ощущал его кожей: лёгкое покалывание, как перед грозой, но без запаха озона. Воздух стал гуще, тяжелее, и каждый вдох давался с трудом, будто в лёгкие попадал не воздух, а холодная слизь.

Лес приближался.

Он действительно был чёрным. Не тёмно-зелёным, не бурым, а именно чёрным - как уголь, как сажа, как сама ночь, принявшая форму деревьев. Стволы стояли плотно, будто стражи, и их ветви, лишённые листьев, тянулись вверх, к серому небу, как пальцы утопленников. Снег у кромки леса был девственно чист, и это казалось неправильным. Ни следов, ни веток, ни птичьего помёта - только белое безмолвие.

•

Мне это не нравится, - прошептал Гуннар, подходя к Эйнару.

•

Мне тоже, - ответил тот. - Но выбора нет.

Он обернулся к клану.

•

Держитесь близко друг к другу. Детей - на руки. Оружие - наизготовку. Входим.

Первым в лес ступил Эйнар.

Снег под его ногой захрустел - но звук был глухим, будто он ступил не на снег, а на полое дерево. Эйнар остановился, прислушался. В лесу было тихо. Ни птиц, ни зверей, ни даже шороха ветра. Только тишина - плотная, как вода.

•

Идём, - повторил он и шагнул глубже.

Остальные потянулись следом.

Тэвис шёл, прижимаясь к Ольгу, и его взгляд метался между стволами. Он не понимал, что его пугает больше: чернота деревьев или их неподвижность. Они стояли, как мёртвые, но не падали, и от этого казалось, что они спят. Или ждут.

Внутри леса было темно, несмотря на дневной свет. Кроны, даже лишённые листвы, сплетались так плотно, что не пропускали небо. Свет, попадавший сюда, был серым, рассеянным, и тени ложились на снег причудливыми узорами.

•

Не отставай, - шепнул Тэвис Ольгу.

Тот лишь хрипло дышал, и его голова клонилась вперёд.

Они шли уже долго, как вдруг Тэвис заметил, что снег под ногами изменился. Он стал тёмным - не от грязи, а сам по

себе, будто пропитался чем-то чёрным. Присмотревшись, он увидел, что из-под снега проступают корни - толстые, узловатые, и они тоже чёрные, как и стволы.

•

Ульва, - позвал он.

Она подошла.

•

Смотри, - Тэвис указал на корни. - Они будто... жили.

Ульва присела, коснулась корня пальцем. Тот был холодным, но не ледяным, и от прикосновения по коже побежала дрожь.

•

«Это кровь леса», - тихо сказала она. - Или то, что от неё осталось.

Она поднялась и посмотрела вперёд.

•

«Здесь проходили Древние», - произнесла она. - Давно. Очень давно. И их сила до сих пор здесь.

Вдруг впереди кто-то вскрикнул.

Тэвис вскинулся и увидел, как один из воинов, шедших первыми, упал на колени, схватившись за горло. Его лицо посинело, глаза выкатились, и он что-то хрипел, указывая вверх.

Все подняли головы.

На ветке, прямо над тропой, висело тело.

Оно было старым, высохшим, почти мумифицирован-

ным, но одежда ещё сохранилась: тёмный плащ, меховая накидка, кожаные ремни. Ветер, которого не было, слегка покачивал тело, и от этого движения в тишине леса становилось ещё страшнее.

•

«Кто это?» - прошептал кто-то.

Никто не ответил.

Эйнар подошёл ближе, вглядываясь в лицо мертвеца. Оно было изуродовано: кожа натянута на череп, рот раскрыт в беззвучном крике, а глаза - точнее, то, что от них осталось, - представляли собой пустые впадины, из которых что-то вытекло и замёрзло на щеках чёрными дорожками.

•

Он не из наших, - произнёс Гуннар. - Но и не из Чёрного Клыка. Одежда другая.

•

Это торговец с юга, - тихо сказала Ульва. - Видите, на поясе - мешочек для монет. Такие носят в прибрежных городах.

Она подошла ближе, и Тэвис с ужасом увидел, что на груди мертвеца вырезан знак. Тот самый - изогнутая линия, кусающая свой хвост, и три точки внутри.

•

Его принесли в жертву, - сказала Ульва. - Давно. Но тело не истлело.

•

Почему? - спросил Эйнар.

•
Потому что лес не отпускает, - ответила она. - Он хранит то, что ему отдали.

Тэвис почувствовал, как к горлу подступает желчь. Он вернулся, сделал несколько шагов в сторону, и его вырвало - прямо на чёрный снег. Рвота была горячей, кислой, и после неё во рту остался привкус гнили.

Кто-то положил ему руку на плечо. Это был Гуннар.

•
Тихо, парень, - негромко сказал он. - Дыши.

Тэвис вытер рот рукавом и выпрямился.

•
«Мы все здесь умрём», - прошептал он.

Гуннар ничего не ответил. Только сжал его плечо крепче.

А лес молчал. И в его молчании было обещание.

Они пошли дальше, оставив мертвеца висеть. Никто не предложил его снять, никто не захотел к нему прикоснуться. Тело осталось позади, как предупреждение - или как приглашение.

Тэвис шёл и не мог избавиться от мысли, что мёртвый торговец смотрит им вслед. Что его пустые глазницы следят за каждым, кто осмелился войти в этот лес.

И ему казалось, что где-то в глубине, за чёрными стволами, кто-то идёт. Медленно. Терпеливо. И ждёт, когда они окажутся достаточно далеко от света.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.